

УДК 81'27

DOI: 10.30982/2077-5911-2018-35-1-28-38

**О ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИИ
ТРУДОВ Ч.С. ПИРСА**

Залевская Александра Александровна
профессор кафедры теории языка и перевода
Тверского государственного университета
170100, Тверь, ул. Желябова, 33
aazalev@mail.ru

Понимание текста обычно направляется взаимодействием ряда факторов, в том числе нашим опытом, побуждающим фокусироваться на чем-то интересном для нас, но недостаточным для постижения сути иных положений и выводов. В предлагаемой статье интересные для психолингвистики положения знаковой теории Ч.С. Пирса обсуждаются через призму многолетнего теоретического и экспериментального исследования значения слова, продуцирования и понимания текста. К числу рассматриваемых вопросов относятся: медиативная функция знака, трактовка знакового события как процесса, моделирование процесса абдуктивного рассуждения, демонстрация роли перцептивного суждения как важного этапа процесса интерпретации знака; трактовка переживания как состояния сознания, формирующего подоснову и саму текстуру познания, и т.д. Приводимые ссылки дают основания для заключения, что в противовес распространенному мнению о строго логических основаниях разработанной Пирсом теории знака на самом деле им реализовано многостороннее комплексное научное изыскание, интегрирующее подходы к знаку с позиций ряда наук и ориентированное на объяснение закономерностей реального функционирования знака как медиатора процессов познания и общения.

Ключевые слова: Пирс, знаковое событие, перцептивное суждение, детерминация, интерпретанта, абдукция

Введение

Читательская проекция любого текста зависит от взаимодействия многих внешних и внутренних факторов, в том числе – от того, какая исходная «система координат», выработанная в предшествующем опыте, направляет восприятие читаемого, побуждает фокусироваться на тех или иных вопросах и/или оставлять без внимания положения, подготовленность к постижению которых может оказаться недостаточной. Ниже предлагается проекция текста, обусловленная многолетним опытом теоретического и экспериментального исследования различных психолингвистических проблем (в том числе значения слова, продуцирования и понимания речи), позволившим увидеть в трудах Ч.С. Пирса ряд аспектов, выходящих за рамки строго логической теории знака, но согласующихся с тем, что входит в компетенцию психолингвистики – науки о языке как достоянии пользующегося им человека.

Чтение трудов Ч.С. Пирса – непростая задача. Пирс неоднократно жаловался на то, что его не понимают, в том числе из-за многоступенчатого философского

абстрагирования. К тому же концепция Пирса всегда была в процессе разработки, и те или иные положения должны рассматриваться с учетом их позиции в общей динамике взглядов ученого, ищущего ответы на дискуссионные вопросы.

В предлагаемой статье делается попытка отметить некоторые аспекты учения Пирса с позиций того, насколько это интересно для рассмотрения *реальных процессов функционирования знака* – не в абстрактно-философском теоретизировании, а в ситуациях естественного семиозиса, т.е. при адаптации человека (индивида и личности, члена определенного социума) к природному и социальному окружению. Для реализации этого замысла потребовалось прежде всего разобраться в общей концепции Пирса и используемых им методах исследования, после чего был предпринят анализ некоторых наиболее актуальных для психолингвистики положений учения Пирса, в рассмотрении которых Пирс намного опередил свое время.

Материалом для анализа послужили две издательские компиляции трудов Пирса [Пирс 2000; ТЕР 1998]; основное внимание обращено на высказывания, относящиеся к последнему периоду жизни Пирса (сюда вошли лекции, прочитанные в Гарварде и Бостоне в начале XX века, и переписка с леди Уэлби: 1903–1911).

Некоторые общие положения концепции Ч.С. Пирса

На вопрос: «Что именно исследовал Пирс?» недостаточно ответить, что он исследовал знак как таковой, потому что всю свою творческую деятельность Пирс посвятил поиску объяснения того, КАК и БЛАГОДАРЯ ЧЕМУ осуществляется *процесс познания модусов сущего* (т.е. способов проявления последнего) при особой роли знака как медиатора, опосредующего познание и определенным образом направляющего этот процесс. Это обусловило ориентацию на познание как *реальный процесс*, о котором позволяют судить *наблюдаемые феномены*, в которых проявляются *идеи вещей* (в широком смысле, т.е. идей объектов, качеств, признаков, состояний и т.д.) и *категории* (универсальные и частные), через призму которых познается мир. Представляется, что именно совокупность отмеченного выше привела Пирса к широкой трактовке знака и к признанию необходимости разграничения разных состояний сознания, уровней понимания воспринимаемого, глубины постижения ситуации и вытекающих из нее следствий, роли перцепции, памяти, эмоций, волеизъявления и других психических процессов; этим же объясняется и использование широкого набора исследовательских процедур на надежном и со стороны проверяемом материале – *знаковом событии* как примере функционирования знака в определенных условиях. Правомерность такого суждения подкрепляется следующими общими положениями концепции Пирса.

1. Пирс трактовал познание как *процесс перехода от одного состояния сознания к другому* – от незнания к знанию: “we pass from ignorance to knowledge” [ТЕР 1998: 4–5], что отвечает потребности человека искать ответы на вопросы, неизбежные при встрече с новым и обеспечивающие *приращение знания*. Разграничив разные состояния сознания (его модусы), Пирс показал их взаимодействие и связь как с различными психическими процессами, в том числе с переживаниями, эмоциями, прагматической ориентацией, так и с врожденными механизмами, обеспечивающими потребность приращения знания и реализацию такой потребности, возможность многосторонней обработки воспринимаемого и

т.д. Ср.: «... всякий феномен нашей сознательной жизни в той или иной степени есть познание, равно как и всякая эмоция, игра страстей, проявление воли» [Пирс 2000: 35]; «Если мы зададимся вопросом, существует ли в сознании элемент, который не является ни переживанием, ни чувством, ни активностью, то мы все же обнаружим нечто – способность к приращению знаний, восприятию, памяти, способность к логическому выводу и синтезу» [цит. раб.: 35].

2. Особое внимание Пирс уделил знаку в его *медиативной функции* как инструменту, посредством которого реализуется познание, т.е. вопросу: вместо чего используется знак, или что представляет собой *идея, для возбуждения которой предназначается знак*: “It is now easy to see that the requaesitum which we have been seeking is simply that which the sign «stands for,» or the idea of that which it is calculated to awaken” [ТЕР 1998: 406], а также тому, *чем и как* направляется процесс познания, т.е. различным аспектам *детерминации* путей поиска ответов на вопросы, возникающие в процессе интерпретации знака.

3. Пирс неоднократно подчеркивал, что использование символов – это живой процесс: “its symbolic, living character is the prevailing one” [ТЕР 1998: 10]; рассуждение – не мертвая вещь, а живой процесс перехода от одного состояния сознания к другому: “It is not a dead thing, but carries the mind from one point to another” [цит. раб.: 10]. Можно предположить, что именно признание важности такого основополагающего признака названного процесса побудило Пирса уделять особое внимание роли действия и противодействия, тонко разграничивать разные виды знаков, их объектов и интерпретант, выявлять *объяснительный потенциал* прагматической ориентации действий и особенностей детерминации хода и результатов процесса познания различными аспектами процесса функционирования знака.

4. Предлагаемая Пирсом широкая трактовка знака позволяет понимать под знаком *любое медиативное средство*, используемое в процессе коммуникации: “I use the word «Sign» in the widest sense for any medium for the communication or extension of a Form (or feature)” [ТЕР 1998: 477]. Более того, Пирс ввел понятие “thought-signs” (мысли-знаки), поскольку любая мысль тоже выступает в качестве знака: “a thought is itself a sign” [цит. раб.: 402], он также считал сложным знаком пропозицию, формируемую при интерпретации знака и включающую всё выводимое из нее посредством дедукции: “... what we call the meaning of a proposition embraces every obvious necessary deduction from it” [цит. раб.: 213]. Тем самым становится очевидным, что знак в трактовке Пирса существует не как нечто обособленное и самодостаточное, а как элемент сложного *знакового события*, включающего всё то, что наличный опыт позволяет увязать с интерпретируемым знаком с учетом того, что случается *там и тогда* [Пирс 2000: 7].

5. Знаки преимущественно функционируют в качестве посредников между двумя разумами, один из которых принадлежит продуцирующему знак субъекту, в то время как субъект, воспринимающий знак, его интерпретирует; “... we note, as highly characteristic, that signs mostly function each between two minds, or theatres of consciousness, of which the one is the agent that utters the sign (whether acoustically, optically, or otherwise), while the other is the patient mind that interprets the sign” [ТЕР 1998: 402]. В качестве участников рассматриваемой ситуации у Пирса фигурируют:

“a person”, “the reasoned”, “the utterer”, “the patient mind”, “the agent that utters the sign”, “two minds”, “the consciousness of its interpreter” и т.д. Однако Пирс анализирует и знаковую ситуацию, при которой знак оказывается посредником при использовании одним и тем же субъектом, тогда «действующим лицом» оказывается “the ego of a previous moment” [цит. раб.: 402].

6. Перечисление возможных участников знаковой ситуации уже указывает на то, что Пирс видит такую ситуацию *в ее развитии*. Проследивая динамику переходов между разными этапами знакового события, Пирс предпринимает детальный анализ получаемых результатов каждого этапа моделируемой знаковой ситуации или процесса рассуждения, что приводит к всё более дробной классификации знаков, их объектов и интерпретант с использованием разнообразных оснований для сравнения, что свидетельствует о стремлении Пирса как можно более подробно и разносторонне проанализировать знаковое событие во множестве его проявлений при взаимодействии разных факторов, но всегда с ориентацией на выявление закономерностей не только процессов постижения того, на что указывает знак, но и того, что *направляет и детерминирует* ход таких процессов.

7. В то же время Пирс показывает условность жесткого разграничения анализируемых явлений, поскольку обнаруживаются переходы (или «перетекание») одной категории в другую или смежность разграничиваемых признаков, нередко объединяющихся по тому или иному основанию, а также и взаимодействие знаков разных видов в одном и том же событии. Следует учитывать, что через всё более дробную классификацию видов знаков с первоначальным фокусированием на символах Пирс пришел к признанию постоянного взаимодействия между иконами, индексами и символами: “In all reasoning, we have to use a mixture of likenesses, indices, and symbols. We cannot dispense with any of them” [ТЕР 1998: 10]. Ср. также: «... хотя не составляет труда отличить все три категории одну от другой, чрезвычайно трудно четко и безошибочно выделить каждую из других понятий в ее чистоте, так, чтобы она при этом не потеряла всей полноты своего значения» [Пирс 2000: 39]; “So far I have only considered whether or not the categories must be admitted as so many independent constituents of thought” [ТЕР 1998: 178].

8. Особую роль Пирс отводит тому, *как* в процессе познания могут «схватываться» *идеи* тех или иных объектов, признаков и т.д., *под каким углом зрения* знак репрезентирует тот или иной объект и каким образом тем самым детерминируется поиск интерпретанты знака (“how this very sign itself represents that object» [цит. раб.: 477–478]; “the idea of that which it is calculated to awaken” [цит. раб.: 406]). Фактически Пирс акцентирует значимость для взаимопонимания между людьми наличия того, что ныне стали называть *разделяемым знанием*: в основе такого знания лежит прежде всего некоторая *идея вещи* (в широком смысле): “it conveys to a mind an idea about a thing” [цит. раб.: 5]. Например, без идеи наличия символической связи как таковой знак не может восприниматься в качестве символа. Начальным уровнем «схватывания» знака Пирс считает *переживание* понятности: “In all cases, it includes *feelings*; for there must, at least, be a sense of comprehending the meaning of the sign” [цит. раб.: 408]; при отсутствии интерпретатора можно говорить только о том, какое значение является потенциальным для этого знака: “If a sign has no interpreter, its interpretant is a ‘would be’, i.e., is what it would determine in the

interpreter if there were one” [там же]. Иначе говоря, без интерпретатора знак мертв.

9. Для выявления лежащих в основе процесса познания идей, признаков, состояний и т.д. Пирс использует комплекс исследовательских методов и приемов, хотя он неоднократно подчеркивает, что основным для него выступает логический анализ. На самом же деле, в рассматриваемых трудах проявились особенности по меньшей мере следующих подходов: а) Пирса-*философа*, ведущего читателя (или слушателя его лекций) через некоторую последовательность уровней абстрагирования для выявления того, что выступает как наиболее общее, универсальное, вечное (например, категории, через призму которых познается мир); б) Пирса – *преподавателя логики*, строго следующего соответствующим законам и считающего логику первоосновой получения выводного знания – как научного, так и обыденного; в) Пирса – *химика-экспериментатора*, приглашающего слушателей / читателей принять участие в эксперименте, например, по выявлению категорий, фигурирующих в процессе познания, или в мысленном эксперименте при анализе икон; г) Пирса-*математика*, стремящегося описать суть получаемых результатов строгой формулой (“... the abstract formula that comprehends the very essence of the feature under examination ...” [ТЕР 1998: 146–147]; д) Пирса – *исследователя-практика*, считающего феномен самым надежным материалом для постижения сути и специфики знакового события, что не могло не привести его к фокусированию на реальных ситуациях общения со всеми вытекающими отсюда следствиями, в том числе – к признанию роли психических процессов (наряду с его попытками откеститься от таких наук, как феноменология и психология); е) Пирса – любознательного *субъекта познания*, постоянно ставящего всё новые вопросы и, в частности, обращающегося к рефлексии (deep reflection), к своему «эго» некоторой последовательности шагов познания, для разностороннего анализа получаемого результата, и т.д.

10. Представляется, что именно широта и мультидисциплинарность подготовки Пирса как творческой личности в совокупности с глубокой проработкой трудов мыслителей прошлого (начиная с Аристотеля) смогли обеспечить разработку *интегративного подхода* к знаку, при котором к изначальной логико-рациональной ориентации исследования добавились: признание роли переживания (feeling) как необходимой опоры для контролируемых состояний сознания; трактовка самоконтроля как средства разграничения осознаваемых и неосознаваемых процессов; определение места и значимости перцептивного суждения для процесса познания в целом и для интерпретации знака в частности; объяснение роли прагматической обусловленности функционирования знака как средства речевого воздействия; понимание того, что интерпретация знака – это процесс, несводимый к однозначной увязке означающего с означаемым, поскольку очевидны различия между тем, что имеет в виду говорящий, что непосредственно воспринимает слушающий, как меняется первоначально возникшая интерпретация и как должен был бы быть понят знак после некоторого раздумья. Ср.: “But it is necessary to distinguish the Immediate Object, or the Object as the Sign represents it, from the Dynamical Object, or really efficient but not immediately present Object. It is likewise requisite to distinguish the Immediate Interpretant, i.e., the Interpretant represented or signified in the Sign, from the Dynamic Interpretant, or effect actually

produced on the mind by the Sign; and both of these from the Normal Interpretant, or effect that would be produced on the mind by the Sign after sufficient development of thought” [ТЕР 1998: 482].

11. Правомерность квалификации подхода Пирса к знаку как *интегративного* подтверждается также тем, что в конце своей творческой жизни Пирс признал необходимость *единой науки о знаке*, включающей «чистую грамматику» (т.е. науку о том, что и как детерминирует использование языковых знаков в соответствии с приписываемыми им особенностями), «чистую логику» (т.е. науку о том, что и как детерминирует правильность оформления мысли), «чистую риторику» (т.е. науку о том, что и как детерминирует успешность речевого воздействия), с учетом также этики (связанной с детерминацией выбора того, как следует поступать) и эстетики (направляющей выбор тех или иных предпочтений). При этом было высказано мнение, что демаркация тесно связанных наук на практике определяется всего лишь наличием групп приверженцев разных подходов к единому объекту: “But I have learned that the only natural lines of demarcation between nearly related sciences are the divisions between the social groups of devotees of those sciences; and for the present the cenoscopic studies (i.e., those studies which do not depend upon new special observations) of all signs remain one undivided science...” [ТЕР 1998: 481–482].

Каждый из приведенных пунктов заслуживает более детального обсуждения со ссылками на опорные цитаты. Остановимся лишь на некоторых вопросах, наиболее явно характеризующих специфику подхода Пирса к знаковой ситуации.

Знаковое событие в его развитии:

положения из трудов Пирса и их обсуждение

В текстах Пирса не фигурирует термин «моделирование», тем не менее, представляется возможным проследить явные и/или условно квалифицируемые в качестве таковых попытки Пирса заглянуть за прямо наблюдаемые результаты многоэтапного процесса функционирования знака. Обратим внимание на то, что знаковое событие всегда происходит в определенных обстоятельствах (*там* и *тогда*), т.е. Пирс выдвигал требование учета реальных условий, которые могут требовать постановки разнообразных вопросов; в приводимых им примерах ситуация может настолько обеспечивать наглядность разделяемого знания, что большинство возможных вопросов снимается, и наоборот: то и дело оказывается необходимым указывать на нечто посредством индекса для дальнейшей опоры на подходящую икону (под *иконой* Пирс понимал «составную фотографию» / обобщенный образ неординарных людей или всех дождливых дней, схему ситуации / идею акта продажи чего-либо и т.д., т.е. чувственный образ или переживание чего угодно, что может всплывать в памяти на основе подобия, см., например, [Пирс 2000: 218–220]).

В работе “What is a Sign?”, датированной 1893 годом, Пирс указывает, что рассуждающий субъект строит некоторую «ментальную диаграмму» действий (схему или программу): “The reasoner makes some sort of mental diagram by which he sees that his alternative conclusion must be true, if the premise is so; and this diagram is an icon or likeness” [ТЕР 1998: 10]. Приведенное высказывание Пирса можно интерпретировать как имплицитующее ряд этапов моделируемого процесса и указания на особенности получаемых результатов. Так, вполне очевидно, что

в описываемой Пирсом знаковой ситуации важно учитывать по меньшей мере следующее: а) для решения некоторой задачи требуется рассмотрение некоторых альтернатив; б) принимается решение о выборе одной из альтернатив; в) признается, что это решение должно быть истинным при условии, если исходная посылка является таковой; г) в основе сопоставления альтернатив и принятия решения о выборе одной из них лежит подобие; д) реализация ментальной программы позволяет решить поставленную задачу.

Более детально Пирс рассматривает интересующую нас ситуацию в связи с получением выводного знания и с ходом абдуктивного рассуждения. При этом можно проследить динамику взглядов Пирса за соответствующий период времени.

Так, в работе “Grammatica Speculativa” (1893) Пирс разграничивает три шага при получении выводного знания как продукта *сознательного* и *контролируемого* рассуждения для использования следствий из уже имеющихся знаний / убеждений. Выделенные Пирсом шаги представлены ниже в сопровождении уточнений, имплицитными исходным текстом.

Шаг 1 – сопоставление ряда пропозиций, которые а) по нашему убеждению являются истинными; б) которых мы до этого (при условии, что данный вывод для нас является новым) либо не рассматривали вместе, либо рассматривали как объединенные по-другому (при этом может иметься только одна посылка или несколько посылок, объединенных связыванием и образующих одну конъюнктивную пропозицию); в) полученный результат – сложная икона.

Шаг 2 – раздумье (*contemplation*) о полученной на первом шаге сложной иконе: а) фокусирование на некоторой ее характеристике, б) устранение всех остальных; в) полученный результат – новая икона.

Шаг 3 – поскольку а) одна мысль всегда влечет за собой другую, б) первая икона неизбежно имплицитно подразумевает какую-то другую, подводя к ней особым способом, в) имеет место не только переход от убеждения, отображаемого исходной посылкой, к суждению об истинности сделанного заключения, но также и г) закрепление за этим суждением еще одного суждения: «о том, что всякая пропозиция, подобная рассмотренной посылке – то есть содержащая икону, подобную ее иконе, – вовлекала бы (*would involve*) еще одну пропозицию (вынуждая вдобавок к ее принятию), которая относилась бы к этой подобной посылке пропозиции как полученное заключение относится к самой посылке» [Пирс 2000: 221-222].

Обратим особое внимание на то, что в качестве опоры для тех или иных действий здесь выступает уже имеющееся знание вместе с вытекающими из него следствиями, хотя и не определяется, в каком формате оно включаются в рассматриваемый процесс; весь этот процесс квалифицируется Пирсом как сознательное и контролируемое рассуждение.

В лекции “Pragmatism as the Logic of Abduction”, прочитанной в Гарварде в 1903 году, Пирс уточняет, что базой для формирования гипотез при абдуктивном рассуждении, т.е. при отсутствии убедительных оснований для вывода, выступает наличный опыт (*actual Experience*), который: а) становится доступным для разума через чувственное восприятие (*перцепцию*); б) заставляет *немедленно* и *без рассуждения* строить некоторую пропозицию на основе выводного знания (при этом в качестве опыта логика трактует последовательность того, что происходит):

“... for the logician it would be perceptual, perception being for the logician simply what experience,—that is, the succession of what happens to him,—forces him to admit immediately and without any reason. This judgment, then, must be inferred. How can it be inferred? Plainly only by abduction, because abduction is the only process by which a new element can be introduced into thought...” [TEP 1998: 224]. Такой путь рассуждения приводит к тому, что абдукция трактуется Пирсом как единственный способ получения нового знания, а в фокусе внимания оказывается *перцептивное суждение*.

Таким образом, за прошедшие 10 лет Пирс значительно пересмотрел свои представления о знаковом событии, допуская выход за пределы осознаваемого и контролируемого, а также постулируя необходимость своеобразного промежуточного элемента (ныне это можно было бы назвать интерфейсом) между контролируемым логико-рациональным рассуждением и тем, что происходит немедленно и без рассуждения. В качестве такого элемента перцептивное суждение описывается Пирсом как проявляющееся в форме пропозиции суждение, в котором прямо представлен сознанию некоторый перцепт. Как следует из лекции “The Maxim of Pragmatism” (1903), главной особенностью совершаемых при этом операций Пирс считал то, что они совершаются *полностью за пределами нашего контроля* и полностью независимо от того, нравятся они нам или нет: “All that I insist upon is that those operations, whatever they may be, are utterly beyond our control and will go on whether we are pleased with them or not” [TEP 1998: 154].

Обратим внимание на то, что фактически Пирс затронул проблему взаимодействия чувства и разума в познании, совершаемом, по его мнению, любыми способами. Следует особо подчеркнуть, что сфера ощущений, чувств, переживаний, рассматриваемая через призму перцептивного суждения, квалифицируется Пирсом как первичная *предпосылка любого критического и контролируемого рассуждения*: “As for the other term, in sensu, that I take in the sense of in a perceptual judgment, the starting-point or first premiss of all critical and controlled thinking” [цит. раб.: 226-227].

Приведенные высказывания дают основания оспорить издательский комментарий, предваряющий одну из бостонских лекций Пирса, где высказывается мнение, согласно которому к 1907 году Пирс интегрировал свою трактовку прагматизма и семиотику, он стал базировать на этом свою теорию знаков в отличие от предшествующего периода, когда приоритет отдавался перцепции, что отражено в его гарвардских лекциях (т.е. в 1903 году). С этим мнением, представленным в виде аксиомы, трудно согласиться, поскольку сам Пирс в той же лекции о прагматизме (1907 г.) так говорит об интерпретанте: “In all cases, it includes feelings; for there must, at least, be a sense of comprehending the meaning of the sign. If it includes more than mere feeling, it must evoke some kind of effort. It may include something besides, which, for the present, may be vaguely called ‘thought’. I term these three kinds of interpretant the «emotional,» the ‘energetic’, and the ‘logical’ interpretants” [TEP 1998: 408]. Прямо указывая на обязательность наличия чувствования / переживания (feelings), реализующегося хотя бы через какое-то улавливание значения знака, Пирс в то же время включает соответствующую этому этапу интерпретации знака «эмоциональную» интерпретанту в единый ряд с «энергетической» и «логической» интерпретантами, т.е. интегрирует все три составляющие единого перечня, не

выстраивая каких-либо предпочтений или дискриминаций. Уточним попутно, что под термином “Feelings” Пирс понимал то состояние, при котором нечто просто присутствует, но ни сравнение, ни рассуждение не имеют места [цит. раб.: 4–5].

Пирс неоднократно возвращался к моделированию знакового события. Так, в декабре 1908 года он указывал, что до произнесения знака этот знак уже виртуально присутствует в сознании говорящего в форме мысли. Но мысль сама является знаком и сама должны иметь продуцента (а именно – «эго» предшествующего момента времени), в сознании которого это виртуально присутствовало, и т.д.: “... before the sign was uttered, it already was virtually present to the consciousness of the utterer, in the form of a thought. But, as already remarked, a thought is itself a sign, and should itself have an utterer (namely, the ego of a previous moment), to whose consciousness it must have been already virtually present, and so back” [цит. раб.: 402]. Иначе говоря, Пирс разворачивал знаковую ситуацию «вглубь», пытаясь заглянуть за пределы вербально манифестируемых продуктов речемыслительной деятельности. Полнота исследуемой Пирсом знаковой ситуации (вплоть до целенаправленного действия, детерминированного речевым воздействием) фактически отображена и в следующем высказывании Пирса об обязательном взаимодействии чувств и разума: “The elements of every concept enter into logical thought at the gate of perception and make their exit at the gate of purposive action; and whatever cannot show its passports at both those two gates is to be arrested as unauthorized by reason” [цит. раб.: 240].

Приведенные высказывания Пирса представляются чрезвычайно важными в том отношении, что он фактически вплотную подошел к пониманию и объяснению взаимодействия чувств и разума, осознаваемого и неосознаваемого в процессах поиска ответов на вопросы, возникающие как в научном исследовании, так и повседневной жизни при недостаточности оснований для принятия решения: именно поиск на основе подобия, осуществляемый на уровнях ниже осознаваемого и учитывающий даже минимальную степень подобия по разного рода признакам и признакам признаков, приводит к объединению того, что мы ранее не догадывались как-то соединить, и тем самым – к научному открытию, как и к постижению ребенком идеи вещей или сути категорий, через призму которых познается мир. Ныне это определяется как особенность *эвристического поиска*, дающего в итоге эффект *эмерджентности* – возникновения нового знания как «открытия», ср. со «вспышкой», о которой говорил Пирс в связи с получением результата абдуктивного вывода, который “... comes to us like a flash” [цит. раб.: 226].

Пирса также волновали вопросы детерминации хода интерпретации знака разными составляющими знаковой ситуации. На самом деле взаимодействие прямой и опосредованной детерминации уже заложено в дефиниции знака, которую дает Пирс: “I define a Sign as anything which is so determined by something else, called its Object, and so determines an effect upon a person, which effect I call its Interpretant, that the latter is thereby mediately determined by the former” [цит. раб.: 478]. Однако вместе с этим Пирс рассматривает и другие источники воздействия на процесс интерпретации знака, включая прагматическую ориентацию действий и операций, влияние приписываемых знаку сочетаемостных возможностей и ограничений (прескрипций), ракурс видения объекта и многое другое. Фактически Пирс рассматривал сложную систему зависимостей (детерминаций), которая увязывает

индивида, социум и разные модусы бытия. Для обсуждения этих вопросов требуется отдельная публикация.

Выводы

Подводя итоги проделанного анализа трудов Ч.С. Пирса, обратим особое внимание на его постоянное стремление *понять* и *объяснить* медиативную роль знака в познании и общении. Трактовка интерпретации знака как прагматично ориентированного «живого» процесса, обусловленного имеющимся опытом и детерминируемого рядом факторов, привела Пирса к признанию постоянного взаимодействия чувств и разума, наличия переходов между осознаваемыми и контролируруемыми действиями и/или операциями и теми, которые совершаются на неосознаваемом и неконтролируемом уровне, в то время как результаты предпринятого Пирсом разностороннего анализа примеров функционирования знаков убедительно показали исключительную сложность и многофакторность того, благодаря чему осуществляются взаимопонимание при общении и адаптация человека к его природному и социальному окружению.

Затронутая выше проблематика представляет несомненный интерес для психолингвистики – как в плане теории, так и в связи с прикладными исследованиями. Более того, при чтении работ Пирса то и дело возникает потребность сопоставить его выводы с материалами психолингвистических экспериментальных исследований, например, связанными со стратегиями идентификации слова носителем языка – в том числе при межъязыковых / межкультурных контактах, что особенно актуально для выявления национально-культурной специфики тех «углов зрения», под которыми может увязываться со знаком какой-либо объект.

Отдельную задачу составляет также сопоставление идей Пирса с концепциями других выдающихся мыслителей – как отечественных, так и зарубежных. На данный момент представляется достаточным указать, что далеко не случайно идея перцептивного суждения получила дальнейшее развитие в «перцептивном семиозисе», фигурирующим в трудах Умберто Эко (см., например, [Еко 2000]).

Некоторые из затронутых выше вопросов более подробно обсуждаются в моей книге «Вопросы естественного семиозиса» (Тверь, 2018).

Литература

Пирс Ч. Начала прагматизма. Т. 2. Логические основания теории знаков / пер. с англ. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. 352 с.

Eco, U. (2000). Kant and the Platypus: Essays on Language and Cognition. San Diego, New York, London: Harcourt, Inc. 464 p.

(ТЕР 1998) The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Vol. 2 (1893–1913) / Ed. by the Peirce Edition Project. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press. 584 p.

**A PSYCHOLINGUISTIC PROJECTION
OF PEIRCE'S SIGN THEORY**

Alexandra A. Zalevskaya

professor of Tver State University
Russia, 170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33
aazalev@mail.ru

Text comprehension is generally directed by a number of factors and depends on our experience that makes us focus on some problems and at the same time is not sufficient for conceiving other facts and conclusions. This paper presents a psycholinguistic projection of Peirce's sign theory. From the point of view of psycholinguistic theory and experimental research in word meaning, as well as speech production and speech comprehension, some aspects of Peirce's theory are discussed, such as sign as mediator of cognition and communication; modeling sign interpretation and abductive reasoning; explaining the role of perceptual judgments in cognition and sign interpretation; acknowledging the role of feelings as the starting-point of all critical and controlled thinking and so on. The main conclusion is as follows: Peirce's theory is not a strictly formal logical study of signs: he has elaborated a complex (integrative) approach to sign as mediator of cognition and communication, he viewed sign interpretation as a live process that carries the mind from one state to another.

Keywords: Peirce, sign, perceptive judgment, determination, interpretanta, abduction

References

- Pierce, Ch. (2000) Nachala pragmatizma. [On Pragmatism] Vol. 2. Logicheskie osnovaniya teorii znakov [Logic Basics for Sign Theory]. Saint Petersburg: Aleteia. 352 P. Print. (In Russian)
- Eco, U. (2000). Kant and the Platypus: Essays on Language and Cognition. San Diego, New York, London: Harcourt, Inc. 464 P. Print.
- (TEP 1998) The Essential Peirce: Selected Philosophical Writings. Vol. 2 (1893–1913) / Ed. by the Peirce Edition Project. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press. 584 P. Print.